

Юзеф Игнацы Крашевский

Осторожнее с огнем

— А я, — сказала блондинка, живо подымая голову, — если бы я любила, если бы платила за любовь малейшим знаком взаимности, требовала бы у моего возлюбленного, как древняя героиня, тысячи доказательств: двум, трем не верю. Эти господа, считая нас слабыми, легковверными существами, думают: «О, только бы я ей улыбнулся, только бы пожелал!» Нет, со мной не так легко будет. Пока уверюсь, пока поддамся, любезный мой вытерпит муки чистилища: буду его дразнить, сердить, надоедать.

— Пока убьешь в нем любовь, — отвечала черноглазая.

— Я и не хочу любви, которую легко можно уничтожить, которой вреден легкий ветерок, а немножко теплоты — придает силы. Все, или ничего! Хочу любить, но один раз и навсегда, всей душой, всем сердцем, всей жизнью, но хочу также взаимно души, сердца и жизни.

— Ты многого хочешь, душа моя.

— Не то совсем любить не буду, — сказала живо блондинка. — Что мне из ваших бледно-розовых страстишек, расцветающих с каждой весной, облетающих с каждой осенью,

которые не стоят горсти лоскутьев.

— Любовь? А на какую ты книжку наступила сегодня? — спрошу у тебя по французской пословице.

— Как будто книги имеют на меня такое влияние! Если хочешь непременно моей исповеди, скажу тебе откровенно: чем же я повинна, что Бог так меня создал? У меня нет середины — все, или ничего. Спрашиваю тебя: лучше ли свое сердце, привязанность, силу, которую Бог вселил в меня для счастья...

— Душа моя, — прервала ее, смеясь, черноглазая.

— Не прерывай! Лучше ли эту силу растратить, покупая за нее трехгрошевые пряники, которые не могут ни накормить, ни усладить вкуса, или за все ее золото достать одно райское яблоко?

— А, хорошо! Невольно проговорила! Райское яблоко и потом вслед за ним изгнание из рая, слезы, смерть!

— Мой рай у меня в сердце, и если я в нем скрою и унесу только одну любовь, кто же меня выгонит из рая?

— Забываешь в увлечении, как непрочно людское счастье.

— Так! И жизнь непрочна, но все же счастье — отрада.

— Далек заходишь, милая! И ты решилась

бы?

— На все бы отважилась, любя, будучи любимой.

— Большое счастье, что нас никто не слышит.

— О, я уверена, что это все читают в моих глазах, хотя я и не рассказываю об этом.

— Не дай Бог!

— Как? Мои мысли чисты.

— Но безумны, и не один бы пожелал ими воспользоваться; теперь так хорошо сыграют роль, какую угодно.

— Только не со мной. Пусть же прежде перенесет испытанья и докажет... Тогда, если полюблю, если буду уверена во взаимности, — отдамся навеки. Не любя, не поверну даже головы и испытывать не стану. Зачем?

— А увидишь, если не выйдешь без любви замуж!

— Я? Я?

И блондинка рассмеялась и показала белые как снег, острые частые свои зубки.

— Чтобы я пошла замуж так себе, как вы все выходите! Право же ты, милая, говорила бы, зная меня очень хорошо.

— Все случается на свете.

— Нет, нет и нет!

И блондинка, взявшись руками за голову, немного покружилась и, пожав плечами, снова

уселась на зеленой мураве под дубами.

— А если бы? — спросила брюнетка.

— Если бы, говоришь? Пусть же мой будущий супруг заранее готовит себе веревку, потому что, вероятно, через полгода должен будет повеситься, если не пустит себе в лоб пули, чего ему не запрещаю. Свет не видел подобной жены, какую я была бы.

— С твоим ангельским сердцем...

— Да, с моим. Есть у меня сердце, не спору, но если это сердце забьется ненавистью, гневом, сопротивлением, — с дороги, господа, с дороги!

— Ах, как же ты забавна! — грустно отвечала брюнетка, подумав минуту.

— Забавна! Слышите ли? Так ты мне не веришь?

— Верю, что сегодня так думаешь, но завтра... Завтра так переменчиво.

— У меня все равно вчера, сегодня, завтра.

— Милая, ты в восторженном настроении.

— Я целую жизнь восторженна.

— Послушай, а если бы ты любила — не будучи любимой? Блондинка раскрыла глаза.

— Ну что же? Старалась бы о взаимности с умеренностью, а если бы меня не полюбили... то, то...

— Сама себе противоречишь! С умеренностью! Ведь ты же минуту назад отреклась

от умеренности! Но продолжай! Что же, если бы тебя не полюбили?

— Это требует размышления. И разве же я знаю, что бы со мной было?.. Умерла бы или, или... О, я не знаю... Но все вы мне говорите, что я хороша как ангел, зла как чертенок, и, признайся, что не глупа.

— Дитя! Поди ко мне! Дай обниму тебя!

И две девушки, улыбаясь, бросились в объятия друг другу, и долгим искренним поцелуем прекратилась их беседа.

Был чудесный летний вечер. Солнце золотило запад за деревьями, который дальше из желтого цвета с красноватым оттенком переходил в лиловые полутени и сливался с чистой лазурью, по которой медленно плыли тучки, с одной стороны озаренные пламенем, с другой темные. На противоположном краю неба подымался красный месяц, опоясанный легким облачком.

Над широкой дорогой, ведущей к дому, виднеющемуся на пригорке, на зеленом лугу, под ветвистыми, живописно разбросанными дубами, сидели молча девушки, еще держа друг друга в объятиях. Блондинка положила чудной красоты головку на плечо подруги, а та опустила глаза на землю и грустно задумалась.

Это была прекрасная картина. Лучи солнца, падая сквозь древесные ветви, чудно освещали

красивую группу и зеленую траву, на которой сидели подружки. Одетые скромно, по-деревенски, сбросив соломенные шляпки, лежащие здесь же возле, распустив в резвости волосы, отдыхали девушки после прогулки и живой беседы.

Младшая, блондинка — ангел красоты, с глубоким огненным взором голубых глаз, среднего роста, дивного сложения, имела в себе столько очарования, что нельзя было посмотреть на нее без некоторого волнения. Взор ее говорил так много, так дивно, что перед ним, как перед неизмеримой бездной, стоял человек в остолбенении. Уснувшие мысли пробуждались в душе при этом взоре, волнами били в сердце и бросали человека в задумчивость, тоску, отчаяние.

Взор этой девушки был самым сильным доказательством бессмертия души человеческой. Жизнь его была так могуча, так огромна, что не могла кончиться с жизнью на том свете. Но дивная противоположность! Уста той же самой девушки маленькие, румяные, свежие, подобно распустившейся розе, — улыбались насмешливо над ее собственными глазами. Небесные были у нее очи, уста были земные. Кто упился бы этими глазами, того отрезвили бы эти коралловые губки. Смотря в ее очи можно было вечность передумать, века грезить в восторге; за один поцелуй ее уст — отдать все свои сокровища.

А как бывала она прекрасна, если порой розовые губки грустно гармонировали с ее глазами! Тогда целый мир мог бы лежать у ног ее, и ему бы встать не захотелось, да и не помыслил бы об этом.

Ясное чело ее осеняли светлые волосы, как золотистый ореол осеняет ангелов; то было белое поле, на котором кажется виделись бегущие мысли, ясные, золотистые, крылатые; каждая выразительно появлялась на нем, проплывала сквозь волшебные очи — и исчезала. Кто же знает, где исчезают, куда стремятся мысли?

Подруга Юлии тоже была хороша, хотя красота ее была грустнее; на ней выразительный след оставило чувство, не имеющее названия на языке нашем, потому, что мы его не имели в сердце и не имеем, это — смирение. Черные глаза, прикрытые длинными ресницами, светились тихой сдерживаемой грустью, горячечный период которой миновал уже. Осталось смирение в страданье. Уста черноокой смеялись, но смехом печальным, смехом христианской грусти, и все черты говорили о каком-то таинственном прошедшем, героически пережитом, которое только уже как привидение носилось перед ее глазами.

А между тем, несмотря на серьезное выражение лица, брюнетка не намного была старше подруги: очевидно, страдание ускорило развитие

зрелости, и каждый год — два года записал на грустном ее челе.

Она не имела той весенней свежести, той идеальной белизны, которые украшали блондинку; бледная, смугловатого цвета, хотя с красивыми чертами, она могла только понравиться, привлечь, если ближе узнавали ее. Иногда даже казалась она некрасивою. Взор ее никогда не подымался как в юности смело, с вопросом, с вызовом, с любопытством; она как бы не хотела смотреть на свет, не находя в нем ничего любопытного, опускала глаза, и бегло озиралась кругом, если никто не смотрел на нее.

Не знаю, что думали они, соединенные долгим искренним поцелуем, может быть об ином поцелуе, о будущем, о себе, может быть... Но кто же знает, что думают девушки, когда целуются, кто знает, мыслят ли они в то время!

Опустив головки, сплетясь руками, обе мечтали. Брюнетка Мария смотрела на землю; блондинка Юлия устремила взор за деревья на ясные лучи солнца, от которых даже не смыкались ее ресницы. И довольно времени прошло незаметно — а им показалось одним мгновением. Внезапно за ними раздался шум, земля задрожала, начали хрустеть ветви, шелестеть листья, а испуганные девушки, не имея сил подняться перед угрожающею, как им показалось, опасностью,

повернули только головки в ту сторону, откуда шум приближался.

Из зеленой рощи, на дивной серой лошади, скакал всадник с ружьем за плечами; он удерживал породистого скакуна, который почти уносил его. С разорванными ноздрями, с распущенной гривой, приподнятым хвостом, весь в пене, с надувшимися жилами, которые чудной сеткой рисовались на тонкой коже, серый конь уносил, или лучше сказать, хотел унести своего господина. На нем, как приросший, сидел красивый и, казалось, сильный молодой человек. Очень простой костюм его состоял из голубой венгерки, на которой ружье и пороховница крестообразно висели на зеленых тесемках. Обыкновенная небольшая фуражка едва прикрывала часть головы, выражающей мужество и благородство. Темные, коротко остриженные волосы, карие глаза, орлиный нос, румяные и приятные губы составляли целое, отличавшееся не чертами, но более их выражением.

Спокойная отвага, мужество с уверенностью в себе и при этом кротость, всегда неразлучная с истинной силой, обозначались на красивом лице всадника. Не бил и не мучил он коня, как другой непременно сделал бы на его месте, но кротко удерживал и искусно усмирял животное. Подскакав почти к сидящим под дубами девушкам, конь внезапно бросился в сторону, когда те вскрикнули

от испуга. Охотник ловко удержался в седле и, пользуясь усталостью лошади, осадил ее почти на месте.

Только тогда взглянул молодой человек на двух прекрасных незнакомок и заметно было, как он удивился, увидев их неожиданно.

— Извините, mesdames, я испугал вас! — сказал он, снимая фуражку.

— О, нет, — отвечала Юлия, — но вы сами рисковали ушибиться, летя по лесу.

Незнакомец улыбнулся.

— Я позволил своему коню думать, что он может унести меня, — отвечал он, глядя лошадь. — Но еще раз прошу извинить меня. И к тому же я попал еще в чужой лес, и как вор должен уходить из него.

Говоря это, он направил лошадь на дорогу, поклонился смотревшим на него девушкам, перепрыгнул ров и, пустив поводья, как стрела унесся в противоположную от дома сторону. Уезжая, он еще раз оглянулся назад.

Девушки долго, долго смотрели ему вслед. Мария думала, Юлия мечтала о чем-то с бьющимся сердцем.

— Когда возвратимся, расскажу бабушке, — молвила, наконец, Юлия. — Ведь нам встретилось приключение, что-то вроде первой главы очень старинного романа. А знаешь ли, Marie, это мне

очень нравится. Внезапно из-за деревьев появляется незнакомец, на серой лошади, прекрасный, молодой, отважный, сказал несколько слов и исчезает. Не знаем, кто он? Откуда? Чудесно! И как? Показался именно в то время, когда мы говорили о любви, о предмете страсти! Не предзнаменование ли это. вроде веления судьбы?

Говоря это, Юлия улыбалась, но легко было узнать, что хотя она и шутливо выражала свои мысли, однако, они уже над ней господствовали.

— Уже головка твоя воспламеняется, милая Юлия!

— Что ты! Но признайся сама, — не чудное ли начало моего романа? Молодой человек даже слишком приближается к моему идеалу, полон выраженья, силы, отваги и благородства.

— Как скоро, однако же, ты его оценила!

— О, на это довольно одного взгляда.

— Отчего же я видела в нем только сбившегося с дороги соседа, который хотел немного похвастать своею лошадыю перед жительницами Домбровы?

— Негодная! Во-первых, лошадь решительно его уносила, во-вторых, мы знаем всех соседей.

— Должно быть незнакомый рыцарь, который нарочно для тебя упал с неба.

— Ничего не скажу больше, — ты надо мной смеешься. Воображаю удивление доброй бабушки,

когда она узнает наше приключение.

— И то, как нас чуть не растоптали.

— Лошадь была далеко.

— Зачем же ты крикнула?

— Разве же я знаю?

Так разговаривая, шли девушки по обсаженной тополями дороге, к дому, который белел уже на пригорке в купе зеленых ольх и высоких дубов.

Юлия весело щебетала. Мария молчала, или отвечала ей лаконично. А блондинке так хотелось рассказать поскорей свое приключение, что чем ближе была к дому, тем сильнее спешила и, наконец, бегом прилетела во двор, засаженный жасминами, сиренью, акациями, весь блистающий цветами. Везде было полно цветов: розы, мальвы, фуксии, гвоздики, левкой и многие местные и акклиматизированные цветы — во всей красе окружали дом, занимали середину двора. Крыльцо украшали вьющийся виноград, роза и разноцветный каприфолиум. Под окнами, уставленные аллеей, стояли вазоны с комнатными растениями.

Двор прилегал к саду, в котором тоже бесчисленное множество цветов представлялось взору. На зеленой траве, в белых кадушках, среди развесистых дубов, блестели роскошными красками обитатели лесов и лугов всего света. Но за дубами виднелись вода, беседка и бесконечные клумбы.

В таком венке зелени стоял старинный дом, на высоком фундаменте, с остроконечной кровлей, с крашеными трубами. Как серна, Юлия впорхнула в сени.

— Пойдем к бабушке, — сказала она Марии, — расскажем ей о нашей встрече.

И повлекла ее в гостиную, выходящую на балкон несколькими стеклянными дверями. Крыльцо, деревья и цветы, которых и здесь и под окнами было множество, затемняли спокойный этот уголок — важный и грустный, как прошедшее. Среди многих новых, недавно наставленных здесь игрушек, старинная мебель прошлых времен находила еще здесь место. Знать не отваживались изгнать ее, но ветреная внучка, не имея уважения к старинным креслам, диванам и зеркалам в фарфоровых рамах, усиливалась затмить их, устанавливая здесь, что только могла нового. Не очень ей это, однако ж, удавалось: белая с золотом мебель, покрытая кармазиновым трипом, ничего не теряла при креслах, обитых зеленым сафьяном, довольно грубо и поспешно сделанных из красного дерева.

Одно большое зеркало, в прекрасной золоченой раме, казалось каким-то безвкусным недоделком при зеркале в фарфоровом окладе, которое не уступило ему места. Старые фамильные портреты, английский диван, немного вычурных

новейших безделиц и фортепиано из палисандрового дерева довершали убранство гостиной, по которой можно было судить о прежнем и нынешнем состоянии помещика.

Из гостиной вошли девушки в другую, похожую на нее комнату, скромнее убранную; здесь также была старая, но только одна старая мебель. Бронзовые часы с фарфоровыми украшениями показывали шестой час. Полуоткрытая дверь вела в довольно темную комнату бабушки. Это была небольшая и укромная комнатка, освещенная только одним, выходящим в сад окошком. У окна стоял столик, на котором были размещены в порядке разные старинные вещи: прекрасная шкатулка, небольшие дорожные часы, стоявшие на четырех бронзовых ножках, несколько книг, крест черного дерева с распятием из слоновой кости, немного ключей и бумаг. Дальше стояла кровать с камчатыми занавесками, диван из волосяной материи, обитый бронзовыми гвоздиками и несколько подобных же кресел с выгнутыми ручками. Над камином висел портрет мужчины в старопольском костюме, с подбритой чуприной и веселым лицом, каких теперь уже не видно. Между столиками и кроватью, на удобном кресле, со скамеечкой под ногами, сидела старушка, держа в руках молитвенник и четки. Прекрасны были черты ее лица, а в господствовавшем на них спокойствии

можно было читать чистое и добродетельное прошлое польской матроны.

Простая, не очень ученая, но исполненная ума и чувства старость могла представлять образ женщины наших прежних времен, подвиги которой забыты, о которой молчат книги, но на которую предания возложили лучистый венец. Набожность, отвага, неисчерпаемая доброта, уважение добродетели, детская невинность — вот что характеризовало женщину нашу до XVIII века. Никто о ней не знал за порогом ее дома, но все чтили и благословляли ее, кто к ней приближался. Это не была француженка, полная кокетства, которая всю жизнь думает только о своей красоте; ни мечтательная немка, живущая более в области фантазии, чем на земле; ни чопорная англичанка, для которой приличие дороже самой добродетели, но живая, хоть степенная, серьезная и вместе кроткая женщина, великая, потому что всегда управляла собой, а в сердце у ней — сокровище доброты и самопожертвования, хотя уста ее были молчаливы. Жизнь ее проходила более в действиях, нежели в словах и размышлениях. Уста молились, трудились руки, сердце любило Бога и ближнего. Даже никогда нечистая мысль не сводила величественной матроны до земной грязи; ничто не могло очернить ее, ни смутить ее высокого спокойствия. Целая жизнь ее была добровольным

исполнением обязанностей, чистой жертвой, непрерывным самоотвержением, и это все, на каждом шагу, озаряла и согревала теплая вера. Вера укрепляла ее при всех обстоятельствах жизни: в счастье благодарила она Бога, не доверяя сбывчивости надежд, потому что они были земные, преходящие; в бедах она росла, мужала, собирала силы и возносилась до героизма. Тогда борьба, не утомляя, казалось, подкрепляла в ней жизнь.

Своих любила она безгранично и грешила против них избытком привязанности, которая не всегда бывала полезной для их будущности, потворствовала, нежила, стараясь усладить их жизнь, обеспечить будущее; для чужих, в которых видела посланников Божиих, для чужих несчастных и убогих была щедра, не только подарками, не только хлебом, но и участием, душою, братской заботливостью, искренним милосердием. То, что мы называем светом, а что в самом деле только тревога и суета, необходимые для тех, кто утратил покой или не умеет ценить его, не было для нее занимательным, не привлекало, а скорее страшило ее и за себя и за другого.

Дни ее проплывали однообразно от колыбели до могилы, незаметно, ведя ее к цели ровным, медленным шагом, без ощутимых перемен, без сильных тревог. На этой скромной ткани кое-где блистали золотые нити и виднелись черные полосы,

как границы, на которых жизнь чувствовала радость и горе. Но за ними снова тянулись однообразные дни покоя, — означенные трудом и молитвой.

Такова была Старостина, бабка Юлии, которую мы видели сидящей в кресле, с четками и молитвенником; была, потому что лета изменили ее значительно. Из всех добродетелей — неизмеримая кротость, всегда в ней преобладавшая, заключала в себе все остальные. Окрепи в старушке мужество и разум сердца, которым она прежде все так ясно видела, хоть не доискивалась причины. Молиться и любить ближнего осталось ее уделом.

Внучку любила она с живостью, с самопожертвованием; ею жила, дышала, дрожала за нее и не раз в молитве чувствовала себя грешной перед Богом, потому что привязанность к внучке переходила границы, которые, по ее убеждению, назначала религия.

Быстро вбежала Юлия в комнату старушки и, поцеловав ее руку, стала на колени у скамеечки.

— Вот то-то набегалась! — отозвалась старушка добродушно, поглаживая девушку по головке.

— А как же и не бежать, — отвечала Юлия, положив головку на колени Старостины, — когда, представьте, бабушка, я спешила рассказать вам приключение.

— Приключение! Господи Иисусе! Разве же...

— Не тревожьтесь только, потому что решительно не отчего. Расскажу вам что-то очень хорошее и занимательное.

— Рассказывай же скорее, ты меня испугала.

— Представьте себе, милая бабушка, пошли мы с Машей в рощу, вот что за тополевой аллеей и, нарвав цветов, уселись отдыхать под дубами. Говорили, говорили, а того уж не скажу вам, о чем мы говорили, потому что вы не поняли бы меня и назвали ребенком, как вдруг шум, стук, топот...

— Господи! Что же это было?

— Прекрасный молодой человек, на отличной серой лошади, которая нас чуть не растоптала.

Старушка закрыла глаза.

— Но, послушайте, бабушка, всадник сдержал коня, извинился перед нами, сказал несколько слов и исчез из глаз, перепрыгнув канаву.

— Кто же это мог быть?

— И прекрасно, что неизвестно кто, — незнакомец, — и довольно.

— Молод? Стар?

— Натурально молодой и прекрасный собою.

— Ах ты, милая моя ветреница!

— А если бы знали, бабушка, что за мужественная осанка, как он сидит на коне, как идет к нему эта, даже простая одежда!

— И ты очень испугалась?

— Немножко. Маша, кажется, больше.

— Я?

— Не отпирайся! Меня это, по крайней мере, заняло, сейчас же развеселило, а ты еще до сих пор нахмурена.

— Когда же я бываю иначе? — тихо спросила подруга.

— Теперь, милая бабушка, — продолжала Юлия, целуя руку старухи, — этот незнакомец со своей лошастью так заехал ко мне в голову, что я должна непременно узнать, кто он?

— Что ты плетешь, Юлия?

— Как вас люблю, бабушка, говорю серьезно: сейчас наведу справки, сделаю смотр соседям и непременно открою, кто он? Я даже немного на него сердита.

— За испуг?

— Нет, но видя двух хорошеньких девушек, — ведь мы обе очень хороши — каждая в своем роде, — разве он не мог сойти с лошади, представиться нам и побеседовать? Правда, бабушка?

— Нет, дитя мое! Умнее не мог он поступить, и я ему очень за это благодарна: поклонился, извинился, как следовало, и поехал своей дорогой.

— Но это оскорбление моего величия, — прервала внучка... — Как же, кажется, даже не оборотился!

— О, уж ты напрасно придираешься, — сказала Мария, — я была свидетельницей, что он осматривался.

— И ты против меня! Бабушка, прикажите ей стать на колени, она бунтует против лучшей своей приятельницы.

Еще минуту продолжался разговор в этом роде, и Юлия болтала о том, как постарается разведать о своем незнакомце; в это время старый слуга Войцех внес на подносе кофейник и чашку.

Трудно будет обойтись без ближайшего знакомства с Войцехом. Был он когда-то крестьянином старосты, потом лакеем, наконец камердинером Старостины. Седой и старый, но бодрый, держась еще прямо, с веселым лицом, исполненным добродушия, вошел он в комнату госпожи. Он был в серой куртке, из одного кармана которой выглядывала огромная табакерка; в одном его ухе качалась большая, золотая серьга; черный платок с огромными концами, повязанный на высокой шее, поддерживал его голову, которая, может быть, уже имела охоту склониться на сторону. Старичок был чисто выбрит, хотя бакенбарды могли бы скрывать предательские морщины; на устах виднелась почти юношеская улыбка.

Усмешка эта, бегающие глаза, а вместе — безделки у часов, таинственно повязанный галстук

и серьга — выражали несчастную слабость, отравившую жизнь Войцеха. Влюблялся бедняга, влюблялся до семидесяти лет беспрестанно, но все не мог жениться, хотя жаждал этого, а как жаждал, знают все его знакомые. Любовь была стихией его жизни, ясным светилом дня, который, увы, слишком уже склонялся к западу.

Не было в дворне Старостины ни одной пятнадцатилетней девочки, по которой бы не вздыхал пан Войцех, надеждой на взаимность, которой не имел бы права хоть на час утешать себя. А услуживал он своим любезным с самопожертвованьем, достойным лучшей награды: все, что имел, — было к их услугам; кормил их, возил кататься, делал для них вечеринки, покупал подарки и потом, когда ему изменяли, не жалел даже жертвований своих, а довольствовался только проклятиями на пол непостоянный и вероломный. Тогда рассыпал он в буфете анекдоты о непостоянстве женщин и клялся, что никогда, пока жив, ни на одну больше не посмотрит. Однако на другой день влюблялся снова. Это вошло ему уже в привычку, а в семьдесят лет кто же отстанет от застарелых привычек? Но это был честнейший, отличнейший человек. Простим же ему, оттого что все имеем свои слабости.

Когда он неся кофе, на цыпочках, вошел в комнату Старостины, улыбаясь, прихорашиваясь и

стараясь прямо держать голову, Юлия быстро бросилась к нему, и схватив его за руку, спросила:

— Ты всех знаешь в соседстве, Войцех?

— А как же? Кого ж бы я не знал?.. Ведь... (здесь он затруднился счетом, не видя надобности вдаваться в предательское исчисление) мы довольно давно живем здесь.

Старушка, боясь живости внучки, подала ей знак и сама начала расспрашивать Войцеха.

— Видишь ли, любезный Войцех, кто-то в лесу испугал Юлию.

— Как, ясновельможная пани? В лесу?

— Какой-то молодой человек на серой лошади чуть не растоптал их.

— На серой лошади? Молодой человек? — говорил Войцех задумчиво, накрывая стол салфеткой. — Молодой человек на серой лошади!.. Кто ж бы это? Пан Цементы?

— Этого мы знаем, да он и не молод.

— Ему еще нет сорока.

Юлия начала смеяться.

— Это был очень молодой человек, — сказала она.

— А, очень молодой человек! Может быть пан Фаддей?

— Помилуй!

— Этому не больше, как тридцать с хвостиком.

— Те паны известны нам, а это совершенно незнакомый.

— Кто ж бы это был, совершенно незнакомый? Каков он собой?

— Прекрасный брюнет высокого роста; на нем венгерка, ружье и рог, под ним серая лошадь.

— Серая лошадь! Даже серого верхового не знаю в соседстве, только у ксендза пробоща ходит в дышле белая кобыла, да и та вся в седилах от старости.

Юлия рассмеялась.

— Но Войцех, говорю тебе, то была отличная лошадь, даже уносила молодого человека.

— Нечего сказать, отличная, когда уносит! Но право трудно угадать, кто бы это мог быть!

И как бы для подкрепления своих мыслей, Войцех понюхал табаку, подаваясь к двери.

— Однако же, — сказал он тихо, — мы знаем все соседство.

— Конечно, это и меня удивляет, — прервала Юлия, — однако, подумай, может быть мы и не всех знаем!

Войцех улыбнулся.

— Я же сказал, что знаем все порядочное, а мелкой шляхты и считать не стоит.

— Любезный Войцех, и они ведь, подобно нам, люди честные, трудолюбивые, зачем же ты ни во что их ставишь?

— Видите ли, панна Юлия, — поправился старик, — ни один из этих шляхтичей не может иметь отличной верховой лошади.

— Не прибыл ли в соседство кто-нибудь из молодых людей, закончив воспитание или из далекого путешествия?

Старик почесал прилизанную чуприну, которую напрасно красил, скрывая седины; они пробивались, белея не столько от старости, как от помады.

— Кажется мне, что нет, — отвечал он.

— Тем страннее! — сказала Юлия.

— Довольно уже, — прервала с кротостью старушка, — слава Богу, что с вами ничего не случилось. К чему напрасное любопытство?

— Кем же был бы человек без любопытства, милая бабушка? — спросила жеманься Юлия. — Притом я женщина, а нас столько уже обвиняли в любопытстве, что мы можем себе его позволить, потому что все равно назовут нас любопытными, будем ли, не будем такими на самом деле.

Смеясь, поцеловала ее старушка в голову, а Войцех, убрав поднос, ушел задумчивый.

Во все время разговора Мария молча сидела в отдалении, опустив голову и только улыбаясь, изредка давала заметить, что слышит разговор; но видно было, что это ее не занимало. Порой как бы с завистью посматривала она на Юлию; но была ли

это зависть, или сожаление? И отчего же Мария так еще молода, а уж так печальна? Расскажем лучше ее жизнь, — это вернее обрисует характер: прошедшее наше все равно, что мы сами.

Мария была дальняя родственница Старостины; родителей она потеряла очень рано и много перенесла испытаний, пока вступила в дом теперешней своей покровительницы. В детстве был у ней опекун, который, промотав свое имение, надеялся завладеть наследством сиротки. Всеми забытая Мария в нужде провела свое детство; позже — развивающаяся красота ее внезапно изменила мысли опекуна — старого сластолюбца, который, потеряв жену и не имея детей, намеревался жениться на сиротке, не предполагая, что боязливая девочка могла бы ему сопротивляться. Неожиданно отдали ее на два года в пансион, одели, снарядили и щедро заплатили содержательнице пансиона. Здесь Мария провела два лучших года в кругу ровесниц, но после, когда возвратилась она к опекуну, с развившимся умом, познав немного свет и его удовольствия, тяжелые страдания ожидали сиротку.

Разные способы употреблял старый вдовец, чтобы уломать неожиданное упорство Марии и принудить ее выйти замуж, но бедная девушка противилась, сколько позволяли силы. Тогда старик, несмотря ни на что, отвратительным поступком достиг постыдной цели. Вскоре потом

расслабленный, удрученный, он умер, как умирают нераскаянные грешники. Освобожденной Марии осталась воля, но она не знала, как употребить ее одна-одинешенька в свете, молодая, но увядшая, с чистым сердцем, но обесчещенная, угнетенная жизнью прежде, нежели ее узнала. По счастью, Старостина, узнав о дальней родственнице, взяла ее к себе, поручив кому-то управление ее имением, которого опекун не успел растратить.

Низкий поступок негодяя был покрыт непроницаемой тайной, и только этому была обязана Мария, что Старостина приняла ее. Никто не знал грустного прошлого, однако, сиротка оплакивала его и несла покаяние за чужой проступок. Будущее было для нее заперто: Бог и монастырь оставались ей единственным убежищем. Старостина, зная, что она имела прекрасное состояние, была молода и хороша собою, не решалась позволить ей затвориться в келью и, когда сирота просила о том со слезами, отвечала ей:

— Позже, дитя мое, позже. Отдаваясь Богу, надо прежде хорошенько подумать: хотя бы один раз ты пожалела после о своей жертве — одно это сожаление уничтожило бы всю ее цену.

— О, я никогда не пожалею!

— Не знаешь! Молода еще! Подожди!

И Мария должна была оставаться в свете и, чувствуя в душе, что не могла принадлежать

никому, обеспеченная без собственного участия, без согрешенья, шла дальше и дальше, не смея даже взглянуть на свет и на людей... Для нее уже не было ни людей, ни света.

Несколько дней прошло после известного вечера, который оставался еще в памяти Юлии. Заботливо расспрашивала она о своем незнакомце не только домашних, но и соседей, навещавших Домброву; напрасно смеялись над ветреницей, она и сама смеялась над собою. Тщетно бабушка запрещала ей заниматься без цели Бог знает кем, но трудно было запретить что-нибудь молоденькой девушке, своевольной подобно Юлии. Запрещение раздражало ее, невозможность манила, таинственность подстрекала, а незнакомец грезился героем хорошенькой ее головке. Мария сначала старалась убедить подругу, что незнакомец случайно посетил те места, что он уже уехал и она его больше не увидит, но Юлия на эти убеждения, как львица срывалась со своего места и, ударяя ручкой по столу, говорила:

— Неправда! Это не может быть! Я должна его увидеть.

— Значит, ты полюбила его, милый ребенок? Простое любопытство не бывает так пламенно.

— Так, милый мой ментор, но у меня все быстро, дивно и необыкновенно, даже любопытство мое принимает какой-то необычайный вид.

— Чем же будет любовь твоя?

— О, увидишь, увидишь! — отвечала Юлия, положа руку на сердце. — Помнишь, говорила я тебе в тот вечер, когда мы встретили незнакомца, что любовь моя не будет похожа на то, что вы называете венцом любви. Это будет цветок, который расцветает только один раз в жизни, но люди могут сбежаться, чтобы посмотреть на него.

Мария вздохнула и опустила глаза. Вечер снова вызывал на прогулку.

— Пойдем к дубам, где тогда его встретили! — сказала Юлия. — Может быть и теперь покажется нам этот царь сильфов.

— Посмотри, какая черная туча на западе.

— Ты боишься бури?

— Ты знаешь, я сирота и привыкла всего страшиться.

— Бедненькая! Но со мной бояться нечего, а притом буря далеко и если и будет, то ночью. Пойдем, я скажу бабушке, чтоб не подумала, что я убежала, и отправимся. Для большей безопасности Станислав, садовник, пойдет за нами.

— Как хочешь, я тебе повинуюсь.

— Но я не желаю твоего повиновения, а пойдешь ли охотно?

— О, с удовольствием, — сказала, улыбаясь, Мария, — ты знаешь, как я люблю тишину лесов и прогулку, а теперь все это с тобой...

Юлия, уже схватив шляпку, побежала к бабушке, возвратилась от нее и, накинув шаль, кликнув Станислава, садовника, тащила уже Марию за руку в тополевою аллею. Длинная дорога, тянувшаяся перед ними полем и через лес, которую они обе измеряли любопытным взором, была совершенно пуста. Наконец, разговаривая, пришли они к старым дубам и, послав Станислава собирать лесные цветы, продолжали беседу.

Но кто повторит тебя, разговор юности, сотканный из золотистых выражений, из золотых мыслей, кто повторит тебя таким, каким вылетаешь ты из розовых губок! Молодые мысли, молодые чувства, что несетесь, как белые облака, без возврата, кто воссоздаст вас во всей красе, легкости, со всей душой вашей! Нет, не повторяются те явления, а воспоминание дает только скелеты; ничто не передаст ни тех чувств, ни мыслей. Позже и мысль и слова переносятся по земле, как черный дым в непогоду; но в лета юности как высоко носят крылья в области очарования, как чудно летит мысль с надеждой, улыбкой и любовью!

Никто не повторит бесед юности, разве только ангелы в небе, да на земле молодость. Но устаревшим от лет, со старым сердцем, где же нам выпросить столько души, сколько у молодости, где выпросить ее крыльев? Да, она одна имеет крылья,

может быть крылья Икара, но как любо подняться на них, хотя бы упасть и утонуть после.

Юлия говорила, Мария слушала, и только изредка печальное, глубокое, как несчастье, слово разочарованной девушки прерывало веселое щебетанье подруги, которая всю свою жизнь переливала в выраженья.

Вдруг послышался за ними шелест. Обе подумали, что Станислав возвратился с цветами. Юлия вскрикнула и встала. Незнакомец на сером коне подъезжал к ним тихим шагом.

Задумчивый, он поднял голову, увидел девушек и с улыбкой поклонился Юлии, глаза которой были устремлены на него.

— О, теперь, — шепнула она Марии, — не пущу его, пока он мне не представится.

— Дитя! Помилуй! — сказала пораженная подруга. — Это будет ребячество!

— Не бойся, я буду благоразумна. Незнакомец остановился в нескольких шагах.

— Извините, *mesdames*, — проговорил он, — я снова испугал вас. Надо же было случиться, чтобы я второй раз запутался в густом лесу, и все здесь.

— Видно, что вы здесь чужой, — сказала Юлия.

— Да, хотя с некоторых пор, — отвечал молодой человек, краснея.

— Я не пойму, как можно здесь заблудиться: леса наши так необширны.

— Но горы, овраги и ямы сбивают с толку совершенно того, кто позабыл их.

— Вы, как видно, любите охоту?

— Не знаю ни одного молодого человека, который не любил бы ружья и лошади. Но я прерываю вам беседу и как чужой, незнакомый не должен бы вступать в разговор. Это против всех приличий.

— В деревне мы не строго соблюдаем церемонии. А какая чудная лошадка, — сказала Юлия, присматриваясь и стараясь удержать прерывающуюся беседу.

— Правда, что Лебедь мой очень хорош, но что значит красота в сравнении с его качествами.

— Самое главное из них — заносливость.

— Да, — смеясь отвечал незнакомец, — но меня он занес превосходно.

— А в самом деле, чуть нас не растоптал — это превосходно!

Напрасно Мария тянула за платочек Юлию, которая хотела остановить разговор, но та не обращала на это никакого внимания.

— Видите, как он теперь спокоен, — сказал молодой человек.

— Но он мне казался намного лучше в то время, когда уносил.

— О, он тогда желал свободы.

— Вы далеко живете? — спросила Юлия нетерпеливо.

— Не очень.

— Заходит солнце, а может быть...

Незнакомец взглянул на запад.

— О, Лебедь унесет меня до заката, хоть бы за три мили.

Мария не говорила ни слова, измеряла только взором молодого человека с беспокойным любопытством, по обыкновению грустно. Он тоже несколько раз взглянул на нее.

Разговор прекратился с приходом садовника, принесшего огромный букет цветов. Не было чем связать сорванные растения и, когда Мария начала хлопотать возле них, незнакомец соскочил с коня, отдал его Станиславу и, отвязав зеленую тесьму от охотничьего рога, предложил связать ею рассыпавшиеся полевые розы и колокольчики. Обе девушки сначала не хотели принять этой жертвы, но внимая просьбе незнакомца, Юлия, держа уже тесьму в руках, сказала:

— Во-первых, от совершенно мне незнакомых я ничего не принимаю, — вы должны назвать себя; во-вторых, сказать, где живете, потому что мы хотим отослать вам тесьму. Мы и без нее могли бы обойтись, как нельзя лучше.

— Кто я, — отвечал молодой человек, снова

краснея, — говорить не стоит. Где живу? Сам не знаю: сегодня здесь, завтра где-нибудь в другом месте.

И лоб его нахмурился.

— Хотите заинтриговать нас?

— Решительно нет, но повторяю, mesdames, что моя фамилия ничего бы вам не сказала.

С этими словами молодой человек поклонился, медленно взглянул с одинаковым выражением прежде на Юлию, а потом на Марию, приблизился к лошади и не успел схватить поводьев, как его уже не стало.

— О, на этот раз что-то в самом деле необыкновенное, какая-то тайна! Не желать назвать себя! — сказала с беспокойством Юлия.

— А всего хуже, моя милая, то, что ты некстати вступила в разговор.

— Ты заранее хочешь, Marie, себя и меня сделать монахиней! Что же дурного? Разговор весьма обыкновенный.

— Ты говорила с такой живостью.

— Я иначе не могу — ты знаешь.

— Что он подумает о нас?

— Что мы молоды и любопытны.

— А если скажет — кокетки?

— Разве же мы этого заслуживаем? Боже мой, не довольно ли одного взгляда твоих задумчивых очей, или моих голубых, веселых, чтобы опутать

человека. И признаюсь тебе, я пристально смотрела на него, и если взор этот не зажжет его, не очарует, не взволнует, я, подобно тебе, готова вступить в монастырь.

— Видишь, Юлия, это уже кокетство. Ты равнодушна, а хочешь привлечь его к себе. Проступок, моя милая.

— А кто же тебе сказал, что я равнодушна?

— Болтаешь пустяки!

Покраснев первый раз, Юлия скрыла лицо на плече подруги, потом засмеявшись, быстро подняла голову.

— Видишь, как я напугала тебя, но я только шутила; о, верь, что это была шутка! Кто же может влюбиться так внезапно?

— Ангел мой, иначе и не влюбляются, как внезапно! Я слышала, читала, знаю, что любовь возникает от одного взгляда.

— В самом деле? Может ли это быть?

И Юлия начала резвиться. Полусмеясь, полусерьезно дошли они до дому. Мария возвратилась в сад, Юлия пошла к бабушке, но прежде развязала цветы и тесьму унесла с собою. Уже на крыльце остановилась она, присматриваясь к ней пристальнее и увидела на богатых кистях две буквы Я. Д., без сомнения, означающие начальные слова имени и фамилии. С открытием своим поспешила она к бабушке, и хоть старушка

побранила ее немного за разговор, а более за тесьму, но девушка умела оправдаться, извиниться и поцелуями, и ласками, а чтобы вина не упала на Марию, она приняла все на себя.

— Теперь, бабушка, мы непременно должны узнать, кто он. По всему видно, что молодой человек хорошо образован и богат, хотя ездит в простом костюме. Конь дорогой и отличный, сбруя изысканная, почти богатая. Не может быть, бабушка, чтобы мы не узнали о нем.

— Какая же ты любопытная! — сказала старушка, качая головою. — Надо угодить тебе, иначе тайна вскружит тебе голову.

Старостина позвонила, и почти в ту же минуту показался Войцех.

— Попроси ко мне пана Ладу.

— Сейчас!..

— Теперь, дитя мое, перейди за мое кресло, возьми книгу, если любишь меня, ни во что не вмешивайся.

Бабушка сказала: если любишь меня, а это для Юлии было выше всех приказаний. Она села за старушкой и молчала, потому что медленные шаги пана Лады слышались в соседней комнате.

Лада — старый, довольно тучный шляхтич, с большими усами, с круглым брюхом — был управляющим Старостины; честный человек, горячий охотник — он имел один недостаток —

болтал самым несносным образом: зацепив его один раз, трудно уже было от него отвязаться. На вопрос о погоде, он, перебегая от слова к слову, перескакивая от мысли к мысли, рассказывал вам историю всей своей жизни. Приятно было смотреть на старика Ладу, которого румяное лицо, веселый взор, улыбающиеся уста и немного лысый лоб, но без морщинки, выражали вполне счастливого человека. И пан Лада сам рассказывал, что всю жизнь был счастлив до такой степени, что когда сварливая и пьяная жена начала надоедать ему невыносимо, он овдовел в ту же минуту. В богатом, синем полукафтани управляющий тихо приближался к покою Старостины и, наконец, отворяя дверь, начал кланяться с улыбкою еще прежде, чем вошел.

— Любезный Лада, — начала старушка, — кто этот незнакомец, который уже второй раз охотится в нашем лесу и почти у самого дома в роще? Мои девицы два раза его там встретили.

— Чужой? Ясновельможная пани! Чужой? В роще? Ей-Богу, не знаю, хоть и стыдно в этом признаться. Я знаю всех охотников в околотке, но никто не заезжает на нашу землю.

— Однако же?

— Извините, ясновельможная пани, мне самому совестно.

— Кто бы это мог быть? — спросила тихо

старушка. — Молодой человек, очень пристойный, на чудесной серой лошади и, кажется, очень порядочный человек.

Пан Лада только пожимал плечами.

— Чего не знаю, то не знаю, но должен разведать, хотя бы мне Бог знает чего стоило. Это такое злоупотребление, что уж слишком! Под домом!..

— Кажется фамилия его начинается на Д.

— Вы так думаете? — говорил Лада, выпучив глаза. — На Д.? Есть много у нас фамилий, начинающихся на эту букву (не думайте ничего недоброго, впрочем). Прежде всех пан Денчак из Козьей Воли, дочь которого вышла за Кривачинского из Бзовичей, но это голь: потом Дерманский, но это посессор и Дозигорский, что был экономом в поместьях Радзивиллов и еще... а! Дермула, шляхтич, но бедняк. Все начинающиеся на Д., голь страшная, но порядочного — никого не знаю во всей окрестности. А слава Богу, не одну бочку соли съел я в этой стороне, вот уже осьмнадцатый год служу у вас — и люди меня и я людей знаю.

Управляющий задумался.

Пользуясь его молчаньем, старушка хлопотала отправить Ладу словами:

— Ну, ты разведает, пан, и скажешь мне.

— Непременно должен разведать! Однако

что-то странно, чтобы я кого-нибудь не знал в этой стороне и притом из порядочных!

Он бы не закончил, потому что собирался систематически высчитывать всех соседей, как Старостина снова прощалась с ним, говоря:

— До свиданья!

Волей и неволей, вышел он ворча за двери, но сейчас же, встретив Войцеха, полтора часа выдержал его, рассказывая ему в сотый раз, как в 812-м году его избili казаки, как он уходил, скрывался в лесу, как ему носила туда пищу девушка, на которой он после и женился из благодарности, как она потом грызла ему голову, мучила его и потом умерла, и как он о ней плакал, и так далее.

У Войцеха уже онемели ноги, но он боялся признаться, чтобы не приписали старости того, что он привык относить к усталости.

Следующие дни прошли в напрасных поисках пана Лады, который рад был предлогу поболтать, наговорился до хрипоты. Необыкновенно, однако ж, смущала его неудача, и он не смел показаться на глаза Старостине. Никто не знал в околотке ни молодого человека, ни серой лошади. Преследуя одну цель, какие бы ни проезжал дороги, управляющий, по большей части, устремлялся в одну сторону, и не было места, которого бы он не осмотрел, а все напрасно.

Через неделю как-то ехал он по надобности в местечко и на большой дороге встретился с незнакомцем, точь-в-точь похожим на того, кого он преследовал; но прежде чем управляющий собрался завести разговор, серый конь далеко унес всадника. Лада приказал ехать во весь карьер за ним, потерял шапку, обломался на дырявом мостке и, произнося проклятия, остановился на несколько часов с переломанным дышлом. Правда, что он ругался страшным образом и наговорился вволю, но это ему ни к чему не послужило.

После этого казалось невозможным найти скрывающегося где-то молодого человека, и Юлия, более и более занятая им, предавалась мечтаниям. Снова пришла ей охота прогуляться в рощу. Напрасно Мария отговаривала, избалованное дитя не хотело слушать советов, а когда уже недоставало ни вымыслов, ни возражений, она начинала так просить, так ласкать Марию, что сиротка со слезами на глазах делала все, что хотелось Юлии. Противиться ей — было невозможно.

Наконец они ушли в рощу и сели на траве, но Юлия не спускала глаз с того места, откуда уже два раза показался интересный молодой человек.

На этот раз напрасно сидели они до сумерек, солнце зашло и им надо было возвратиться. Юлия стала грустнее и задумчивее обыкновенного, и глаза наливались слезами. Мария с болью в сердце,

притворяясь веселой, развлекала ее.

Выдумывала она занятия, игры, предлагала чтение, водила ее к цветам, заохочивала играть в четыре руки, одним словом употребляла всевозможные старания рассеять Юлию, и все было напрасно. Даже Старостина заметила перемену во внучке и испугалась. Поговорив потихоньку с Марией, старушка объявила, что в городке хотят устроить бал в пользу костела и что следовало бы туда съездить.

Давно уже Старостина не выезжала из дому, но в случае надобности поручала Юлию и Марию соседке, дальней родственнице мужа — пани подкоморной, которая охотно соглашалась вывозить прекрасную Юлию. Хотя для ее собственной дочери не слишком выгодно было сравнение с двумя хорошенькими девушками, однако же, всегда молодежь окружала кресла, где они сидели и поневоле кто-нибудь занимал и панну Матильду; наконец, приятно было пощеголять хоть каретой Старостины, если не родством с нею.

Юлия до тех пор любила веселиться; но теперь на предложение бабушки отвечала:

— Зачем мы туда поедем? Там будет скучно! Бал летом! Где это видано!

— Но, душа моя, надо, чтобы вы там были. Ведь это для костела, который будут строить на собранные деньги. Сделали подписку, учредили